

Библиотека Всемирной Литературы

АРКАДИЙ АВЕРЧЕНКО

Рассказы

Аркадий Тимофеевич Аверченко Отец Марьи Михайловны

*Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=615475
Аверченко А.Т. Рассказы: Эксмо; Москва; 2008
ISBN 978-5-699-29281-3*

Аннотация

«... – Что же в таком случае добро?

– А вот... Человек, понимающий, что такое добро, рассуждал бы так: на одной чашке весов лежат две жизни, на другой одна. Значит – колебаний никаких. И при этом – одна жизнь, жизнь скверная, злая, эгоистичная, следовательно, для Божьего мира отрицательная. Она не нужна. Ценой ее нужно спасти две жизни, которые лучше, моложе и, следовательно, имеют большее право на существование...

– И вы бы... – с легким трепетом не договорил Капелюхин. ...»

Аркадий Аверченко

Отец Марьи Михайловны

... А когда разговор перешел на другие темы, Гриняев сказал:

– Доброта и добро – не одно и то же.

– Почему? – возразил Капелюхин. – Доброта относится к добру так же, как телячья котлета к целому теленку. Другими словами: доброта – это маленький отросток добра.

– Ничего подобного, – в свою очередь возразила и Марья Михайловна. – Добро прекрасно, возвышенно, абсолютно и бесспорно, а доброта может быть вздорной, несправедливой, мелкой и односторонней.

– Не согласен! – замотал головой Капелюхин. – Добрый человек всегда и творит добро!..

– Хорошо, – перебил Гриняев. – В таком случае я приведу пример, из которого вы едва ли выпутаетесь... Скажем, путешествуете вы по какой-нибудь там пустыне Сахаре со своими двумя детьми и со слугой... И вдруг оба ваших мальчика заболевают какой-нибудь туземной лихорадкой... У вашего слуги есть вполне достаточный для спасения жизни детей запас хины, но слуга вдруг уперся и ни за что не хочет отдать этого лекарства. Выхода у вас, конечно, только два: или убить слугу и этим спасти двух детей, или махнуть на

слугу рукой – и тогда дети ваши в мучениях умрут. Что бы вы сделали?..

– Я бы убила этого подлеца слугу и взяла бы его лекарство, – мужественно сказала Марья Михайловна.

– А вы, Капелюхин? – спросил Гриняев. – Ведь пример-то сооружен для вас.

– Что бы сделал я? Ну, я бы пообещал слуге все свое состояние, пошел бы сам к нему слугой, стоял бы перед ним на коленях...

– Пример предполагает полную непреклонность слуги...

– Ну, тогда бы я... Да уж не знаю, что... Тогда бы я все предоставил воле Божьей. Значит, уж деткам моим так суждено, чтобы умереть...

– Но ведь, если бы вы убили слугу и отняли у него лекарство – дети ваши выздоровели бы!.. При чем же тут «суждено»?

– Ну, я бы убежал в пустыню подальше и повесился бы там на первом дереве...

– А детей бросили бы больными, беспомощными, умирающими?

– Чего вы, собственно, от меня хотите? – нахмурившись, огрызнулся Капелюхин.

– Я просто хочу доказать вам, что доброта и добро – вещи совершенно разные. Все то, что вы предполагали сделать в моем примере с вашими детьми, – это типичная доброта!

– Что же в таком случае добро?

– А вот... Человек, понимающий, что такое добро, рассуждал бы так: на одной чашке весов лежат две жизни, на другой одна. Значит – колебаний никаких. И при этом – одна жизнь, жизнь скверная, злая, эгоистичная, следовательно, для Божьего мира отрицательная. Она не нужна. Ценой ее нужно спасти две жизни, которые лучше, моложе и, следовательно, имеют большее право на существование...

– И вы бы... – с легким трепетом не договорил Капелюхин.

– И я бы... Конечно! Преспокойно подкрался бы сзади к слуге, ткнул бы ему нож между лопаток, взял хину, вылечил детей, и на другой день – бодрые, освеженные сном – мы бы двинулись дальше.

– Ну, знаете ли...

– Почему вы возмущаетесь? Потому что вы обыкновенный добрый человек... А я человек недобрый – но координирующий все свои поступки с требованиями добра.

– И ничего бы у вас не дрогнуло в то время, как вы тыкали бы вашему слуге ножом в спину?!

– Ну, как сказать... Было бы неприятно, чувствовалась бы некоторая неловкость; но это – единственно от непривычки.

– Хорошее добро!.. Тьфу!

– Нечего вам плевать, добрый вы человек! Все дело в том, что я умею рассуждать, а вы – весь во власти сердца и нервов...

* * *

Марья Михайловна все это время сидела, свернувшись калачиком на диване, и молчала.

А когда все замолчали, вдруг заговорила:

– Теперь Рождество. И вспоминается мне золотое детство, и вспоминается мне то самое веселое и милое в моем детстве Рождество – когда у папы отнялись ноги и язык.

– У кого? – удивленно спросили все.

– У папы.

– У вашего?!

– Не у римского же. Конечно, у моего.

– Ну, это гадость!

– Что?

– Говорить так об отце. Если бы даже он был тиран, зверь, и то нельзя так говорить о родном отце!..

– Он не был ни тираном, ни зверем.

– В таком случае вы были скверной девчонкой?

– А вот я вам расскажу о своем отце, тогда и судите.

* * *

В будние дни отец все время был на службе и домой являлся только вечером, усталый, думающий лишь о постели.

Но перед праздниками, дня за два до Рождества, занятия у них прекращались, и отец являлся домой часов в двенадцать дня – до 28 декабря.

Надевал халат и принимался бродить по всем комнатам.

– Мариша! – вдруг раздавался его тонкий не по росту и сложению голос. – Почему это тут в углу валяется бумажка?!

– Не знаю, барин...

– Ах так-с. Вы не знаете? Интересно, кто же должен знать? На чьей это обязанности лежит: градского головы, брендмейстера или мещанского старосты? Значит, я должен убрать эту бумажку, да? Я у вас служу, да? Вы платите мне жалованье?

– Поехал, – слышался из другой комнаты голос старшей сестры.

До чуткого слуха отца долетало это слово.

– Ах, по-вашему, я «поехал», – бросался он в ту комнату, где сестра переписывала ноты. – Так-с. Это вы говорите отцу вашему или водовозу Никите? Тебя кто кормит, кто поит, кто обувает? Принц монакский, градской голова или брендмейстер? Ты что думаешь, что если учишься музыке, так выше всех? Отца можешь с грязью смешивать?

Из дверей выглядывала мать.

– Ну что ты пристал к девушке? Ей нужно к концерту готовиться, а ты жилы из нее выматываешь.

– Так-с. Мерси. Удостоился от супруги приветствия. Хм! Концерт... Что это еще за такие концерты-манцерты – кому это нужно? Выйдет такая вот орясина и начнет глотку драть

– и чего, и что, спрашивается? Дома лучше нужно сидеть, чем хвосты трепать...

Он плотно усаживался на стул, показывая всем своим видом, что осенний дождик зарядил надолго, и продолжал:

– Воображаю, что это там за концерты такие хромоногие. Придут полтора дурака, скучно, холодно... И чего, и что, спрашивается?.. Сидела бы ты дома и не рыпалась!

– Папа, – рыдала сестра. – Что тебе от меня надо?

– Это еще что? Слезы? Нечего сказать – устроили праздничек! В кои веки собрался отдохнуть – на тебе! Могу уж поблагодарить...

Через комнату пробежал, стараясь проскользнуть бочком, братишка Костя.

– Ты куда? Куда? Почему в комнате в шапке? Это конюшня тебе? Так ты бы шел к лошадям, а тут люди... Куда ты идешь?

– К товарищу, – робко лепетал Костя, стараясь прошмыгнуть в дверь.

– Нет, постой!.. Что это еще за товарищи? Откуда? Знаю я этих товарищей: испортят костюм, запачкают всего, учебники порвут... А тебе учебники кто покупает – товарищи? Или, может быть, здешний градской голова, или монакский король? И чего, и что мальчишка по улицам шатается? Сиди дома и не рыпайся...

Плачут уже двое: старшая сестра и Костя.

– Так-с. Благодарности достойно! Отцу бесплатный кон-

церт устроили. Отдохнул на праздничках!

Шел потом на кухню, запахиваясь в оранжевый халат и поджав нижнюю небритую губу.

– Окорок запекаете? А ну, покажи. Это вы так запекли? Хорошее дело... Ну, что же, будем на праздниках сырой окорок есть. Ничего... желудочки-то луженые – вытерпят.

– Где же он сырой? – нетерпеливо говорила мать. – С одной стороны совсем пригорел.

– Пригорел? Так-с. Впрочем, нам наплевать... конечно... Ведь платил-то за окорок не я, а монакский посланник.

Теперь плакали уже четверо: к первым двум присоединились мать и кухарка...

* * *

На Рождество зажигалась елка.

– Вот вам елка, – говорит отец, поджимая губы. – Помните, что она мне не даром досталась, и поэтому вы обязаны веселиться... Котька, не смей подходить к елке, серебряную цепь порвешь! А бусы! Кто бусы рассыпал?! Что-о? Сами рассыпались? То есть как это сами? Живые они, что ли? Или их рассыпал брандмейстер? Кто без меня подходил к елке, признавайтесь! Кто отломал хвостик этой серебряной рыбке? Вы думаете, эта рыбка ни копейки не стоит? Монакский посланник мне ее подарил? Так-то вам, паршивцам, устраивать елки? И я тоже – дурак: «деточек порадо-

вать, елочку устроить!»! Осину нужно этим каторжникам, а не елку!.. Хм!.. Устроил! И чего, и что, спрашивается – бегал, хлопотал, деньги тратил... Сидел бы дома и не рыпался... Марусяка – плакать? На елке плакать? Елка, значит, для того устраивается, чтобы на ней плакать? Хорошо-с... Так и запишем. И Котька ревет? Ладно же: вы мне устроили праздничек – я вам... В цирк вы нынче не пойдете!

– Да ведь билеты уже взяты! – говорила мать, хмуря нервное, хронически расстроенное лицо.

– Билеты можно продать. А то тоже... хм! (Отец усаживался довольно плотно на один из стульев.) Выдумали разные цирки-мырки – кому это нужно? Какие-то дураки на лошадях скачут, другие смотрят. И чего, и что, спрашивается? Сидите-ка дома и не рыпайтесь!

* * *

Мне было девять лет, когда однажды – это было перед Рождеством – отец кричал-кричал на Маришу да вдруг как хлопнется на диван! Подскочили к нему, перенесли на кровать, – а у него ноги отнялись и язык... Пришел доктор, успокоил мать, что все пройдет, а мать вышла к нам, говорит:

– Ну, дети, отца не беспокойте, он нездоров, а я вам елку сама нынчу устрою – увидите, как будет весело.

И действительно, никогда так весело и мило не было.

Правда, отец пытался звать нас поочередно к себе и зна-

ками показывать, что ему и то не нравится, и это не нравится. Но знаками – ничего не выходило. Пробовал он и записочки нам писать вроде: «Котьку на горы не пускать. Что это за горы такие еще... Пусть зря не рыпается».

Но в записках уже не было того тягостного впечатления, того яда, какой получался в интонации слов. Написанные слова побледнели, потеряли краски, и мы относились к ним совершенно равнодушно... А в ядовитое мнение отца, что «порванный о гвоздь башлык, я, вероятно, получила от градского головы» – я просто завернула карамельки и пряник для дворницкого мальчишки.

Да! Чудесное было это Рождество.

* * *

– Все-таки жестоко и грустно все это, – вздохнул добряк Капелюхин. – Мог же бы кто-нибудь из вас пойти и посидеть около кровати отца. Вы-то... сидели или нет?

– Нет, – простодушно ответила Марья Михайловна. – Он бы извел меня. Да вы знаете, что он выдумал? Чтобы мы, дети, поочередно чистили ему ваксой башмаки... Во-первых, у нас была прислуга для этого, а во-вторых, он все равно лежал раздетый и башмаки ему были не нужны.

– И вы чистили?

– Чистила. И однажды, помню, сидела одна на кухне, чистила-чистила тяжелый, неуклюжий отцовский башмак да

вдруг взяла его и поцеловала!

Она грустно улыбнулась, опустила голову и с забытой на губах улыбкой задумалась – вероятно, об отце.

И это было так не в тоне рассказа, так неожиданно, что и все растерянно замолчали.

Надолго.